

Научная статья
УДК 281.93:39::821.161.1-1.09«191»
DOI 10.37724/RSU.2021.70.1.011

О православных аспектах этнопоэтики С. А. Есенина 1910-х годов

Татьяна Васильевна Федосеева

Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина,
Рязань, Россия
t.fedoseeva@365.rsu.edu.ru

Аннотация. В статье исследуется вопрос о поэтическом выражении православного сознания в лирике С. А. Есенина 1910-х годов. Анализ избранных произведений осуществляется с применением методологии и терминологии, актуальной для современного литературоведения этнопоэтики. Материал исследования включает текст теоретического трактата «Ключи Марии» как итоговый для данного периода и определяющий для творческого метода поэта. Рассматриваются случаи жанрового влияния народной духовной поэзии на формально-содержательную характерность произведений Есенина. Выявляются пути развития в лирике поэта народнопоэтических жанровых моделей предания, сказания, духовной песни. Устанавливается ментальный уровень поэтики, определенный категориями «дарения и нищелюбия», «веры в чудо». В образе лирического героя выделяются в качестве характерологических мотивы странничества, греха, покаяния. В пространственно-временной и сюжетно-мотивной характерности произведений исследуемого периода выделяется мистериальная поэтика. Из лирического комплекса 1918–1919 годов выделяется сюжет, соотносимый с мотивами умирания и Божественного претворения плоти. Автор статьи приходит к выводу о необходимости уточнения выраженного в творчестве Есенина 1910-х годов типа художественного сознания термином «народное православие». Результаты проведенного исследования указывают на возможности дальнейшего изучения творчества поэта в предложенном направлении.

Ключевые слова: «Ключи Марии», лирика С. А. Есенина 1910-х годов, мистериальный сюжет, мифопоэтика, «народное православие», этнопоэтика.

Для цитирования: Федосеева Т. В. О православных аспектах этнопоэтики С. А. Есенина 1910-х годов // Вестник Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина. 2021. № 1 (70). С. 103–116. DOI: [10.37724/RSU.2021.70.1.011](https://doi.org/10.37724/RSU.2021.70.1.011)

Original article

About Christian Aspects of S. A. Yesenin's Ethnopoetics in the 1910s

Tatiana V. Fedoseyeva

Ryazan State University named for S. Yesenin,
Ryazan, Russia
t.fedoseeva@365.rsu.edu.ru

Abstract. The article investigates the issue of poetic manifestations of Christian worldview in S. A. Yesenin's poetry in the 1910s. The analysis of selected poems is performed by means of ethnopoetics relevant for modern literary studies. The author of the article investigates the theoretical treatise "Maria's Keys" as a work characteristic of the aforementioned period and of the poet's creative method. The article treats the influence of religious folk poetry on the content and form of Yesenin's verse. It investigates the way folk tales, legends and spiritual songs influenced Yesenin's poetry. The article shows that Yesenin's poems abound in such concepts as generosity, benevolence to the poor, belief in the reality of miracles. The lyrical hero of Yesenin's poems is described through the prism of such concepts as pilgrimage, sin, repentance. The spatial, temporal, and thematic characteristics of Yesenin's poems of the aforementioned period are mystery-related. Yesenin's poems of 1918–1919 abound in motifs of death and resurrection. The author of the article maintains that it is not only feasible but also necessary to further investigate the motifs of folk Christianity characteristic of Yesenin's works of the 1910s.

Keywords: sin, indulgence, purgatory, Reformation, Holy Scriptur “Maria’s Keys”, S. A. Yesenin’s poetry of the 1910s, mysterious plot, mythopoetics, folk Christianity, ethnoapoetics.

For citation: Fedoseyeva T. V. About Christian Aspects of S. A. Yesenin’s Ethnoapoetics in the 1910s. *The Bulletin of Ryazan State University named for S. A. Yesenin*. 2021, 1 (70):103–116. (In Russ.). DOI: 10.37724/RSU.2021.70.1.011.

В литературоведческой науке последних десятилетий одним из приоритетных направлений стало этнопоэтическое. Этому направлению соответствует методология, выработанная российскими учеными в продолжение 1990–2000-х годов и объединяющая, по определению В. Н. Захарова, базовые категории этнокультурного порядка с категориями исторической и онтологической поэтики [Захаров, 2012]. Наиболее значимыми для выражения в литературном творчестве русской ментальности в контексте данного определения являются категории, означающие ценностную специфику национальной духовно-религиозной традиции. Терминологическое ядро проблемно-методологического поля этнопоэтики русской литературы составляют категории «соборность» и «пасхальность», монографически описанные И. А. Есауловым [Есаулов, 1995, 2004]. О. В. Зырянов исходит из утверждения о существовании этнопоэтики как предмета исследования (этнокультурный компонент поэтики, национальный образ мира) и методологии исследования, соединяющей анализ фольклорных и национально-архетипических начал творчества с истолкованием православного кода русской классической словесности. Терминология этнопоэтики расширяется включением понятий «феномен дарения и нищелюбия», «вера в чудо», «эстетика юродства и исихазма» [Зырянов, 2019, с. 11–13]. Ученые сходятся на определении этнопоэтики русской словесной культуры как «христоцентричной», имеющей установку на сотериологическую вертикаль — идею духовного спасения.

Нельзя не заметить, что творчество С. А. Есенина в этнопоэтическом отношении изучено довольно основательно. В монографии О. Е. Вороновой «Сергей Есенин и русская духовная культура» (2002) исследуется эволюция религиозно-философской направленности творчества поэта. Относительно избранного нами периода выводятся особенности поэтики, которые мы трактуем как этнопоэтические: «софийно-пантеистические мотивы» в русле «христианско-языческого двоеверия и крестьянской обрядовой культуры», «традиции соборности и эпического православия» в поэмах, отражение в художественной модели мира «православной храмовой культуры», «опыт необиблейского мифотворчества» [Воронова, 2002, с. 17–369]. В отдельных работах современных исследователей творчества поэта определяется функционирование библейских мотивов, сюжетов и образов, выделяются мифологическая и фольклорная составляющие художественного мира, устанавливается влияние апокрифического и других жанров народной духовной словесности, уточняется действие соответствующих поэтике фольклора приемов («оцерковление» природы, иконная символика, цветопись) [Михаленко, 2006 ; Юдушкина, 2011 ; Соловьева, 2014 ; Скороходов, 2020]. Осуществляя «ментальный» анализ раннего творчества поэта, О. Е. Воронова указывает на особенности поэтики, обусловленные тем, что «пантеизм... органично входит в структуру духовного контекста есенинского творчества, проясняя его сложный духовный генезис и мировоззренческий синкретизм» [Воронова, 2015, с. 57]. Данное умозаключение, на наш взгляд, требует концептуализации и терминологического уточнения, чему мы и посвящаем собственное исследование.

Актуальность осуществленного исследования определяется рядом факторов: методологически оно ориентировано на сравнительно новую систему, обеспечивающую комплексный подход к литературному материалу, с привлечением фольклорных, этнографических материалов в сочетании с библейскими текстами; подборка поэтических текстов и включение в контекст трактата С. А. Есенина «Ключи Марии», замыкающего собой выделенный для рассмотрения период творчества поэта, позволяет конкретизировать его мировоззренческую систему и уточнить характер индивидуального творческого метода.

Вводя исследование в русло этнопоэтики, мы ставим перед собой **задачу** определить и систематизировать действующие в мире С. А. Есенина принципы и приемы художественной изобразительности и выразительности, служащие воплощению национальной характерности православной культуры в соотношении с этнопоэтической духовной традицией.

Материал исследования систематизирован хронологически — анализируемые произведения разделены на две группы. Ранняя лирика 1912–1916 годов рассматривается с точки зрения действующих в ней принципов национальной этнопоэтической традиции в структурировании изображенного мира и выраженного сознания. В лирике 1918–1919 годов этнопоэтическая направленность творческого

метода поэта устанавливается в реализации мистериального сюжета. Лирические произведения каждой из групп позволяют говорить о различных гранях художественного воплощения органичного народному православному сознанию автора.

Теоретическое осмысление этнопоэтики в трактате «Ключи Марии»

В современном есениноведении вопрос о теоретической разработке художественных принципов национального искусства в трактате С. А. Есенина «Ключи Марии» (1918) рассматривается во многих работах [Воронова, 2004 ; Самоделова, 2014 ; Серегина, 2014 ; Шишкин, 2017]. Впервые развернутое обоснование его теоретико-эстетического значения как самостоятельной исследовательской задачи было дано Н. И. Шубниковой-Гусевой. В статье «Есенин как теоретик национального искусства (к постановке проблемы)» мы выделили следующее определение: «Есенинская теория искусства сознательно обоснована характерными чертами русскости и сформированными веками духовными свойствами русского народа» [Шубникова-Гусева, 2005, с. 49]. С содержанием этого определения мы и связываем собственное видение проблемы.

К исследованию лирики С. А. Есенина 1910-х годов текст трактата «Ключи Марии» привлекается в качестве авторской модели творчества. В нашей работе он служит теоретическим основанием для систематизации и классификации элементов поэтики, позволяющих актуализировать этнопоэтический аспект.

Автором трактата утверждалась общность поэтических принципов, действующих в формах национальной эстетики словесного творчества, лежащих у его истоков. Художественность устного народного творчества и древнерусской книжной культуры рассматривалась как близкая по способам выражения национального сознания и самосознания. Художественное слово, писал Есенин, искони складывалось на Руси согласно «орнаментальному» принципу — «в переплетении духа и знаков» [Есенин, 1920, с. 16]. Устнопоэтическая традиция была унаследована древнерусскими книжниками — «уже в X и XI в. мы встречаем целый ряд мифических и апокрифических произведений, где лепка слов и образов поражает не только смелостью своих выскиваемых положений, но и тонким изяществом своих построений» [Есенин, 1920, с. 16–17]. Поэт подчеркивал эстетическую значимость идущих от древности форм поэтического творчества как образного выражения духовных ориентиров народа. Первоначальное их воплощение автор трактата находит в образной природе слова, которое способно порождать новые формы. Он замечает, что в народной поэзии «мир слова так похож на какой-то вечно светящийся Фавор, где всякое движение живет, преображаясь» [Есенин, 1920, с. 17]. Совсем не случайно поэт, характеризуя свойство поэтического слова рождать новые смыслы, применяет евангельскую символику. Здесь и далее знаки архаического сознания, выраженные в народном творчестве, он сопрягает с христианскими, подчеркивая наложения на древнюю славянскую культуру более поздней, не заимствованной, а органично усвоенной.

Образность словесного творчества в русской культурной традиции восходит, в понимании автора трактата, к трем уровням «существа человека: плоти, души, разума». Плотью определяется «заставление воздушного (духовного. — *Т. Ф.*) мира живою предметностью» и рождается — «заставочный» образ. Душа, живущая в соприкосновении плоти и духа, порождает «струение, где заставочный образ плывет, как ладья по воде», и возникает «корабельный» образ. Разум, в своей способности отстоять от плоти, «сотворяет» — «струение из лика являет один или несколько новых ликов» — это образ «ангелический» [Есенин, 1920, с. 30–32].

В заключительной части трактата Есенин оценивает современное состояние русской литературы с точки зрения наследования национальной поэтической традиции. Современная русская поэзия, констатировал поэт, утратила свойственную народной поэзии и древнерусской словесности глубину духовного содержания. Художники сделали «какими-то ювелирами, рисовальщиками и миниатюристами словесной мертвенности» [Есенин, 1920, с. 33]. Их увлечение внешней красотой изображения в трактате иллюстрируется выражением из «Слова о полку Игореве»: «...изрони женьчужну душу из храбра тела, чрез злато ожерелие» [Есенин, 1920, с. 33]. Тайну творчества он видит в том, чтобы выразить пронизанность духом («воздухом») земных вещей — «создать мир воздуха из предметов земных вещей или рассыпать его на вещи» [Есенин, 1920, с. 34]. Не раскрыв для себя эту тайну, поэт никогда не сравнится с народом в тонкой и органичной передаче трудноуловимого струения духа в плотском выражении.

Утратив открытую народу тайну творчества, современный поэт, считает Есенин, потерял «благословение и постижение голгофы» [Есенин, 1920, с. 37]. Есенин конкретизирует значение

необходимого для поэта пути духовного и душевного страдания (голгофы), которое в 1925 году сформулирует как лирический манифест — «кровью чувств ласкать чужие души». Для него абсолютное воплощение такого самоотвержения — «фактическое пропятие» Христа, отразившееся во «всей гармонии мироздания, где на законах световых скрещиваний построены все зримые и невидимые нами формы» [Есенин, 1920, с. 31–32]. Итак, суть теоретического трактата «Ключи Марии» может быть сведена к утверждению необходимости для русского поэта следовать принципам национальной поэтики, основанной на всем историческом опыте словесной культуры и служащей выражению воспитанного в христианстве религиозного чувства.

Устнопоэтическая традиция в образном мире поэзии 1912–1916 годов

В лирических произведениях С. А. Есенина, написанных в 1912–1916 годах, обнаруживается, как уже неоднократно было замечено, действие в развитии образности народнопоэтического принципа, в современной теории литературы определяемого как «поэтика синкретизма». Этот принцип, основанный на «глубинах непосредственного, чувственного восприятия мира», проявляется в «субъектной, образной структурах, в сюжете, роде, жанре» [Поэтика ... , 2008, с. 229]. В образной системе поэтики синкретизма действует принцип простого присоединения, «нанизывание» отдельных образов, а события рассказывания не разграничены с рассказанными. Руководствуясь этими общими теоретическими положениями и учитывая опыт определения в трактате «Ключи Марии» образотворчества тремя типами — «заставочного», «корабельного» и «ангелического», рассмотрим отношение раннего Есенина к устнопоэтической традиции. Особое внимание обратим на характер изобразительности и способы конструирования художественного целого.

Стихотворение 1912 года «Калики» начинается с изображения бытовой сценки: «Проходили калики деревнями / Выпивали под окнами квасу»¹. Странники поют «стих о сладчайшем Иисусе» и к ним присоединяются «горластые гуси». Сами калики кормят коров «сбереженными крохами». Воспроизведенная поэтом картина деревенской жизни обнаруживает, таким образом, действие кумулятивного принципа простого присоединения образов. К поющим духовные стихи каликам добавлены гуси, а органичная целостность мира реализуется в их жесте любви ко всему живому. Свойственный поэтике синкретизма кумулятивный принцип соединения образов транслирует наивный в своей непосредственности взгляд изнутри деревенского мира. При всей очевидной органичности изображенного мира, он подчинен религиозному чувству.

Тот же поэтический прием мы видим в построении стихотворения «Вьюга» (1912): вслед за описанием природного явления «Ты у окна завываешь» лирический герой призывает природную стихию молиться вместе с ним за его «грешную душу»². В стихотворении 1914 года «Не ветры осыпают пуши...» через отрицательный параллелизм создан образ природы, которая изначально наделена способностью поддержать молитву героя:

Не ветры осыпают пуши,
Не листопад златит холмы.
С голубизны незримой куши
Струятся звездные псалмы (Т. 1, с. 44).

Одухотворенное состояние природы, когда «мир воздуха» рассыпан на «земные вещи», органично душевному настрою лирического героя, воображение которого рождает образы Богородицы и Божественного Младенца. Поэтом выстраивается сюжет о схождении Его на землю в образе убогого странника. Это схождение закрепляется мотивом соединения небесного мира с земным: «И может быть, пройду я мимо / И не замечу в тайный час, / Что в елях — крылья херувима, / А под пеньком — голодный Спас» (Т. 1, с. 45).

Картина деревенской жизни у раннего Есенина не просто пропитана Божественным духом, она освящена Божественным присутствием, где «схимник-ветер... целует на рябиновом кусту / Язвы красные незримому Христу», а «У лесного аналоя / Воробей псалтырь читает» и деревья возгласом «Осанна!» приветствуют едущего на осленке Христа.

¹ Есенин С. А. Калики // Полн. собр. соч. : в 7 т. Т. 1. М. : Наука — Голос, 1995. С. 37. Здесь и далее ссылки на данное издание приводятся в тексте статьи с указанием в круглых скобках первого номера тома и страницы.

² Есенин С. А. Вьюга // Есенин С. А. Полн. собр. соч. : в 7 т. 2-е изд. Т. 4 : Стихотворения, не вошедшие в «Собрание стихотворений» / сост., подгот. текста и коммент. С. П. Кошечкина, Н. Г. Юсова. М. : ИМЛИ РАН, 2004. С. 28. Здесь и далее ссылки на данное издание приводятся в тексте статьи с указанием в круглых скобках четвертого номера тома и страницы.

Приведенные выше примеры показывают, как оригинальная образность рождается в произведениях Есенина из бытовых и пейзажных зарисовок («заставок»). Естественный деревенский мир не просто одушевляется соответственно народнопоэтической традиции, а выстраивается согласно иерархичности религиозного сознания. Образный мир произведений структурирован по определенному в трактате «Ключи Марии» трехчастному типу — от «заставочного» образа к «корабельному» и «ангелическому».

Другой поэтический прием, сближающий поэтику Есенина с народной, состоит в привлечении в образный мир трансформированных народным сознанием библейских и апокрифических сюжетов.

В стихотворении С. А. Есенина «Егорий» (1914) отмечается рецепция народного верования, соответственно которому святой Георгий Победоносец предстает в образе народного заступника — Егория Храброго. Трансформация образа святого народным сознанием, очевидно, связана со знаменитым «чудом о змие», в сюжете которого он является спасителем города от чудовища, пожиравшего детей горожан. Это чудо в евангельской традиции рассматривается как победа христианства над дьяволом — «древним змием» (Откр. 12:3; 20:2). Видимо, тем же сюжетом объясняется и покровительство Егория домашним животным и диким зверям, среди которых особо выделяются волки. В духовных песнях древних славян утверждалось, что Георгий окрестил волков и некоторых других лесных животных.

Источником сюжета есенинского «Егория» большинство исследователей называют фольклорные тексты, восходящие к каноническим и неканоническим житиям святого. С. Г. Кошечкин, в комментариях к стихотворению, приводит следующие наблюдения А. Н. Кирпичникова, связанные с образом Егория: «И в поговорках, и в сказаниях Егорий пасет зверей, особенно волков, и распределяет им пищу. <...> Покровительство стадам, ведет Егория прямо к начальству над волками и другими дикими зверями. <...> Представление именно волков собаками божественного воеводы — обычное представление» (Т. 4, с. 360–361). Народные сказания о Егории, опубликованные А. Н. Афанасьевым в нескольких вариантах, представляют образ святого как преданного христианина — мученика за веру: «Я не верую сатане-врагу, / Сатане-врагу со дьяволом; / А я верую самому Христу, / Самому Христу, царю небесному!» [Афанасьев, 1914, с. 103]. Непреодолимые препятствия, встающие на пути Егория, когда по завету матери Софии он направляется из Иерусалима на Русь, устраняются силой молитвенного слова. При этом герой не только «Сам стихи поет херувимские, / Он гласы гласит всё евангельские», призывая Божественную силу, но обращается за поддержкой к дремучим лесам и к матери-земле, а от нашествия змей и злого «хана-жидовина-босурманина» освобождает русскую землю силой «палицы железной» или «меча-кладенца, копыя острого» [Афанасьев, 1914, с. 110]. Из сказанного вытекает, что фольклорный образ Егория совмещает черты житийных текстов о мученичестве святого с фольклорными — собирательным образом врага и упоминанием обладающих магической силой чудесных предметов.

Один из вариантов легенды, записанный в Егорьевском уезде Рязанской губернии, сохраняя канву житийного источника, начинается с описания вражеского нашествия: «А тут набежал злой татарин, заполонил всю землю мешчерскую, выстроил себе город Касимов и начал он брать вьюниц и красных девиц себе в прислугу, обращал в свою веру поганую...» [Афанасьев, 1914, с. 254]. Бесчинства татарского хана прекращаются Егорием, призвавшим на службу волков: «Вскочил Егорий на коня, приуправился и поехал в лес; повстречал здесь много волков и напустил их на Брагима хана грозного» [Афанасьев, 1914, с. 257].

Подобно герою народной легенды, есенинский Егорий собирает «белых волков» на помощь «мужику» — против врага, посягающего на ту землю, в которой они мирно уживаются.

Завершается стихотворение сообщением о противостоянии звериного войска во главе с Егорием врагу: «Скачет всадник с длинной пикой, / Распугал всех сов. / И дрожит земля от крика / Волчьих голосов» (Т. 4, с. 70). В стихотворении Есенина святой Георгий, в духе народной легенды, в противостоянии врагу призывает на помощь силы природы, но обращается не к дремучим лесам и не к матери-земле как одухотворенным народным сознанием стихиям, и не к предметам народной магии, таким как палица железная или меч-кладенец, а к волкам, испытавшим на себе силу его духовного покровительства.

Немало примеров влияния народных легенд и преданий о святых обнаруживается и в других произведениях Есенина. Среди них как наиболее востребованный выделяется сюжет о святителе Николае Мир Ликийских (Миколе). О. Е. Воронова, привлекая свидетельства Е. А. Самоделовой и М. В. Скороходова, приводит множество биографических фактов, свидетельствующих об особом

почитании этого святого на малой родине Есенина в селе Константиново и в семье поэта [Воронова, 2002, с. 43–46]. В интерпретации образа Миколы в одноименной поэме Есенина подчеркивается его связь с языческой традицией, «двойная духовная природа» [Воронова, 2002, с. 51].

Обратившись к малым лирическим жанрам Есенина, мы берем для рассмотрения стихотворение 1914 года «Сиротка» (Русская сказка). В нем образ святителя Николая скрыт за традиционным для народных сказок персонажем — Дедом Морозом. Дед Мороз награждает за терпение и честность сиротку Машу, обеспечив ее богатым приданым. Несомненно, в основание сказочного сюжета о сироте поэтом положено предание о святителе Николае, спасшем от нищеты семью с тремя дочерьми, судьбы которых благополучно устроились благодаря его подарку. Именно эта сторона народного предания обнаруживается в стихотворении. В сказочной парадигме подспудно сохраняется корень особой приверженности русского народа образу святителя как Чудотворца и дарителя. В нашей интерпретации образ Чудотворца Николая безусловно принят русским человеком именно благодаря тому, что отвечает основным запросам его души, определяемым как «феномен дарения и нищелюбия» и «вера в чудо».

Обращался Есенин и к жанрам народной духовной поэзии. Не случайно в его лирику в качестве устнопоэтического контекста входит «Голубиная книга». Ее поэт упоминает в тексте трактата «Ключи Марии», особое внимание уделяя сюжету о происхождении мира от духа и тела Творца:

У нас белый вольный свет
Зачался от суда Божия
Солнце красное от лица Божьего,
Самого Христа, Царя Небесного;
Млад-светел месяц от груди его,
Звезды частые от риз Божиих,
Ночи темные от дум Господних,
Зори утренни от очей Господних... [Голубиная книга, 1908, с. 304].

Художественная интерпретация этого сюжета обнаруживается, в частности, в стихотворении «То не тучи бродят за овином...» (1916). В нем происхождение месяца получает бытовую интерпретацию, характерную для крестьянского сознания. Месяцем стал испеченный Богородицей для Младенца-Христа «колоб». В его назначении — ежедневно являться на небе и освещать ночью землю — получила воплощение материнская любовь Богородицы к человеку: «На земле все люди человеки, / Чада. / Хоть одну им малую забаву / Надо. / Жутко им меж темных / Перелесиц, / Назвала я этот колоб — / Месяц» (Т. 1, с. 114). Поэтическим сюжетом закрепляется народное представление о сотворении мира Богом Отцом с выражением характерного для русского народа почитания Богородицы как духовной хранительницы русской земли.

Новую страницу в творческой эволюции раннего Есенина открывает лирика 1916 года. В ней содержательные акценты смещаются с вопросов мироздания и законов, определяющих земную жизнь Божественным присутствием, на вопросы устройства внутреннего мира человека. Широкое распространение получают мотивы, характеризующие мир героя комплексом свойственных православному сознанию мотивов — странничества, греха, покаяния, искупления и др.

Особое место занимает мотив странничества, свидетельствующий об устремленности души лирического героя от мира бренного — в горний. В стихотворении «Я странник убогий...» предвестником выхода души героя в горний мир является сама природы:

И по кустам межи соседней,
Под возгласенья гулких сов,
Внимаю, словно за обедней,
Молебну птичьих голосов (Т. 4, с. 147).

В окружении людей, излишне обремененных заботами о земном благополучии, герой Есенина чувствует свое одиночество и отрешенность от обыденности: «Глаза, увидевшие землю, / В иную землю влюблены» («Опять раскинулся узорно...», 1916), «О, помолись и за меня / За бесприютного в отчизне!» («В зеленой церкви за горой...», 1916). Герою Есенина близки отличающие православного человека чувства собственной греховности и покаяния. В стихотворении «За горами, за желтыми долами...» (1916) он обращается к идущей на богомолье в монастырь «бедной страннице»:

Кроток дух монастырского жителя,
Жадно слушаешь ты ектенью,
Помолись перед ликом Спасителя
За погибшую душу мою (Т. 1, с. 23).

Ощущая свое одиночество среди людей, лирический герой Есенина, однако, не отчаивается. Он находит выход из тупика в своем родстве с природой, одушевленной, одухотворенной и персонифицированной его творческим воображением. В стихотворении «Закружилась пряжа снежистого льна...» (1916) декларируется небескорыстное внимание людей к усопшему, которое заменяется живым откликом «ветра резвого». От лица ветра, вместо православной молитвы «Упокой, Господи...», призывающей милость на отошедшую в иной мир душу, звучат слова о разлуке с земным — намек на текст народной любовной песни: «Разлука, ты разлука / Чужая сторона / Никто нас не разлучит / Лишь мать-сыра земля...». Финал стихотворения таков:

Как помрем — без пенья, под ветряный звон
Понесут нас в церковь на мирской канон.
Некому поплакать, некому кадить,
Есть ли им охота даром приходиться.
Только ветер резвый, озорник такой,
Запоет разлуку вместо упокой (Т. 4, с. 125).

Приведенные примеры убедительно свидетельствуют о том, что С. А. Есенин ориентировался в своем творчестве на фольклорные тексты, воплощая все же не архаичное синкретическое сознание, а православное. Образный мир в рассмотренных нами произведениях строился по иерархичному типу с преобладанием религиозного начала.

Весь описанный выше комплекс текстов есенинской лирики мировоззренчески может быть определен термином «народное православие». Соответственно изысканиям Н. И. Толстого и его последователей, религиозность русского крестьянина представляет собой «единую систему верований», которая содержит элементы языческой культуры, действенные не сами по себе, а в подчинении к «значительно более высокой иерархии ценностей» христианства [Толстой, 2003, с. 11].

Мистериальный сюжет в лирике 1918–1919 годов

1918–1919-е годы имели особое значение в творческой эволюции С. А. Есенина. Они стали временем творческого взлета поэта, одушевленного надеждами на революционное переустройство мира, но уже в середине 1919 года вставшего перед осознанием трагических ее последствий для России. Если начало 1918 года было отмечено маленькой поэмой «Инония», представляющей образ новой Руси, то окончание 1919 года связано с опубликованием произведения, свидетельствующего не только о зрелости художнического дара, но и о глубине укорененной в народной традиции эстетической мысли Есенина — отдельным изданием теоретического трактата «Ключи Марии» (октябрь 1918 года).

Одно из произведений означенного периода привлекает особое исследовательское внимание. Стихотворение «Душа грустит о небесах...» (1919), по справедливому заключению В. А. Доманского, отличается выражением глубокой грусти лирического героя, вызванной «вечным стремлением души к идеалу, высшим сферам, сокровенным тайнам мироздания и невозможности их достичь и объяснить» [Доманский, 2010, с. 140]. Это стихотворение — яркий пример того, как лирический пейзаж становится, если пользоваться терминологией М. М. Бахтина, «живописным эквивалентом» эмоционально пережитой поэтом мысли о мире [Бахтин, 1979, с. 87].

Воссозданная в стихотворении картина мира представляет сложное единство трехуровневого пространственного изображения. Первый уровень составляет «высшая сфера», на которую указал Доманский: «Душа грустит о небесах, / Она не здешних нив жилица» (Т. 1, с. 138). Второй уровень формируется знаками религиозной культуры: «сучья золотых стволов», «как свечи, теплятся пред тайной». Третий — образом природы, в которой «огонь зеленый шевелится», а отраженная в водной глади луна «пьет» «в хребты» коней. Земной и небесный миры объединены, и небо посылает людям знаки о неблагополучии. Не случайно «в водах дол» отражена не только мирная луна, пьющая хребты коней, но и «вдруг в небе ставшая комета». Комета или «падающая звезда», как известно, символизирует эпохальные перемены в истории, угрожающие кровопролитием и войной и посылаемые человечеству как сообщение о гневе Господнем. В главе

шестой Апокалипсиса читаем: «И когда Он снял шестую печать, я взглянул, и вот, произошло великое землетрясение, и солнце стало мрачно как власяница, и луна сделалась как кровь. / И звезды небесные пали на землю, как смоковница, потрясаемая сильным ветром, роняет незрелые смоквы свои» (Откр. 6: 12–13). Завершается есенинское стихотворение словами, свидетельствующими о стремлении лирического героя слиться с живым миром природы и проникнуть в глубинную тайну мироздания: «О, если б прорасти глазами, / Как эти листья, в глубину...».

Таким образом, мир стихотворения построен на единстве бытового пространства с бытийным. Об идеальном характере такого видения мира Есенин писал в трактате «Ключи Марии»: «...как опрокинутость земли сольется в браке с опрокинутостью неба. Пространство будет побеждено...» [Есенин, 2020, с. 29]. В этой трактовке отношения земного (физического) мира к небесному (духовному) как творения Божия к замыслу автор следует традиционному для русской культуры пониманию. Его мысль о мире развивается в этом русле.

Для лирики поэта названных лет, как и для поэм, свойственно осмысление современности через посредство библейского текста, о чем неоднократно писали есениноведы. О. Е. Вороновой для обозначения действующего в есенинском творчестве принципа предложен термин «необиблейское мифотворчество» [Воронова, 2002, с. 253]. Поэмы революционных лет рассматриваются ученым через соединение мистериального и мифологического начал в творчестве Есенина [Там же, с. 271]. Очевидно, что актуализация мистериального сюжета о смерти и возрождении мира в лирике поэта обусловлена именно переломным характером времени. Этот сюжет, как известно, восходит к древнейшим культам и первоначально был связан с календарным циклом растительного мира, а в дальнейшем стал основой орфических, дионисийских мистерий и оттуда перешел в христианскую культуру.

В современном литературоведении неоднократно отмечалось активное функционирование мистериального сюжета в литературе переходных исторических моментов как в романтической поэзии конца XVIII — первых десятилетий XIX века, так и в неоромантической конца XIX — начала XX века. Переходным периодам, по словам М. В. Яковлева, свойственно «восприятие и художественное изображение реальности как таинства», важнейшим способом переживания которого становится «образ многоуровневого пространства» в «нелинейном» времени [Яковлев, 2015, с. 143].

Лирические произведения С. А. Есенина 1918–1919-х годов дают материал для выделения в них мистериального сюжета. Лирический герой глубоко переживает связанную с постреволюционными событиями трагическую гибель природного мира, теплого и живого, и страстно желает его возрождения. В художественном пространстве этих стихотворений выделяются три слоя: средний (физический), указывающий на события биографического и условно-исторического планов, нижний (метафизический), связанный с одушевлением и одухотворением природы, и верхний, включающий библейскую образность и символику.

Средний слой воссоздается посредством символического изображения беспокойного, мятежного времени в описании неуправляемых природных стихий: ветер «спросонок вскочил», «океан мятежный», «злая вьюга». Стихийные силы разрушают общность живого мира природы и человека, попирают устоявшиеся идеи и ценности, а сама жизнь сводится к грубой физиологии:

К черту чувства. Слова в навоз,
Только образ и мощь порыва!
Что нам солнце? Весь звездный обоз —
Золотая струя коллектива.
Что нам Индия? Что Толстой?
Этот ветер что был, что не был.
Нынче мужик простой
Пялится ширьше неба (Т. 4, с. 181).

В опьянении бунтарским восторгом современность отрешается от прошлого, а герои настоящего стремятся «зауздать землю», отменить вечные законы бытия и навязать миру людскую волю, что вряд ли возможно:

Пусть Америка, Лондон пусть...
Разве воды текут обратно?
Это пляшет российская грусть,
На солнце смывая пятна (Т. 4, с. 181).

Исторические реалии лишены у Есенина детализации, но через них поэт осмысляет события современности, переводя их с бытового на бытийный план.

К среднему условно-историческому уровню пространственного изображения в анализируемых стихотворениях Есенина примыкает нижний, уровень одухотворенной и одушевленной природы, органичной частью которой осознает себя поэт. Обстоятельства действительной жизни вынуждают его уйти от этого родства:

Я покинул родимый дом,
Голубую оставил Русь.
В три звезды березняк над прудом
Теплит матери старой грусть,

но не отказаться от него:

Я не скоро, не скоро вернусь!
Долго петь и звенеть пурге (Т. 1, с. 143).

Утратой теплого и живого мира обусловлен мотив смерти, пронизывающий ткань стихотворений Есенина рассматриваемого периода. Это не смерть одного человека и не только отживающей крестьянской, православной, «голубой» Руси, но трагическая судьба целого поколения русских людей, ставшего жертвой исторических катаклизмов:

Пушистый звон и руга,
И камень под крестом.
Стегает злая вьюга
Расщелканным кнутом.

Шаманит лес-кудесник
Про черную судьбу.
Лежишь ты, мой ровесник,
В нетесаном гробу (Т. 4, с. 156).

В русле мистериального сюжета средний слой хронотопа анализируемых стихотворений сопрягается с нижним, составляя единое целое. Кладбищенский топос сменяется топосом дороги, символизирующим продолжение жизни:

Серебристая дорога,
Ты зовешь меня куда?
Свечкой чисточетверговой
Над тобой горит звезда (Т. 1, с. 126).

А умирание осеняется радостью: «Не огражу мой тихий кров / От радости над умираьем» (Т. 4, с. 178).

Эта радость обусловлена символикой высшего слоя пространственного изображения, связанного с мотивами неба, «господних врат», иконы, свечи, образами «белого ангела», Богородицы.

Так, к единству среднего и нижнего уровней пространственного изображения примыкает вышний, а свирепствующий на земле «океан мятежный» оправдывается тем, что вернет людей под кров церкви. Эта надежда в тексте выражена аллюзией на евангельский мотив обращения рыбаков апостолами новой религии:

Шуми, шуми, реви сильней,
Свирепствуй, океан мятежный,
И в солнца золотые мрежи
Сгоняй серебристых окуней (Т. 4, с. 178).

Таким образом, привлеченный к анализу ряд стихотворений объединяется общим сюжетом разрушения и нового рождения мира. Соответствующий ему тип мистериального, трехуровневого пространства складывается в сознании лирического героя и завершается молитвенным обращением к Богу. Герой призывает пролить в бранный мир «смолой кипящую восток», очистить его и вознести к небесным высям:

Да опалят уста огня

Людскую страсть и стыд.
Взнеси, как голубя, меня
В твой в синих рощах скит (Т. 1, с. 142).

Художественное пространство стихотворения Есенина обретает литургическое значение с аллюзией на духовное схождение Христа во время таинства претворения вина и хлеба, хотя и используются для этого стилистически снижающие образ изобразительные детали («Сойди на землю без порток...»).

Весь комплекс рассмотренных в аспекте сюжетно-пространственной организации лирических стихотворений формирует мистериальный сюжет рядом смысловых центров: «дом», «память», «смерть», «радость» «пограничность», «хаос», «космос», «Бог».

Обобщая содержание статьи отметим выведенные в ходе анализа основные положения:

– образный мир лирики С. А. Есенина 1914–1916 годов в значительной своей части восходит к устнопоэтической традиции; выстраивая текст в движении от «заставочного» образа к «корабельному» и «ангелическому», автор выражает свое религиозное чувство, которое делит не с другими людьми, а с природой;

– следуя фольклорно-мифологической традиции, поэт вводит в художественный мир произведений трансформированные народным сознанием сюжеты и образы церковного предания, апокрифических текстов, народных духовных песен, привнося в них индивидуальное творческое начало и сохраняя христианскую ценностную ориентированность;

– мистериальный сюжет в лирике 1918–1919 годов позволяет поэту дать трактовку современным событиям через призму универсального библейского текста и провидеть «новую землю», которая будет дана Божественной волей грядущим поколениям людей;

– в плане концептуализации изображенной в лирике Есенина рассматриваемого периода картины мира предлагается определить тип воссоздавшего ее творческого сознания термином «народное православие».

Список источников

1. Афанасьев А. Н. Народные русские легенды. — М. : Современные проблемы, 1914. — 316 с.
2. Бахтин М. М. Эстетика словесного творчества / сост. С. Г. Бочаров, примеч. С. С. Аверинцев, С. Г. Бочаров. — М. : Искусство, 1979. — 423 с.
3. Воронова О. Е. Сергей Есенин и русская духовная культура : моногр. — Рязань : Узорочь, 2002. — 520 с.
4. Воронова О. Е. Софийно-пантеистические мотивы в ранней лирике С. А. Есенина // Современное есениноведение. — 2015. — № 4. — С. 53–57.
5. Голубиная книга // Народная поэзия : Былины, песни, духовные стихи / сост. А. В. Оксенов. — 4-е изд. — СПб. : Синод. тип., 1908. — С. 304–311.
6. Доманский В. А. Феномен есенинской грусти // Проблемы научной биографии С. А. Есенина : сб. тр. / отв. ред. О. Е. Воронова, Н. И. Шубникова-Гусева. — Рязань : Пресса, 2010. — С. 133–142.
7. Есаулов И. А. Категория соборности в русской литературе. — Петрозаводск : Изд-во Петрозавод. гос. ун-та, 1995. — 287 с.
8. Есаулов И. А. Пасхальность русской словесности. — М. : Кругъ, 2004. — 560 с.
9. Есенин С. А. Ключи Марии. — М. : Моск. труд. артель художников слова, 1920. — 42 с.
10. Есенин С. А. Полн. собр. соч. : в 7 т. — Изд. 2-е. — Т. 4 : Стихотворения, не вошедшие в «Собрание стихотворений» / сост., подгот. текста и коммент. С. П. Кошечкина, Н. Г. Юсова. — М. : ИМЛИ РАН, 2004. — 544 с.
11. Есенин С. А. Полн. собр. соч. : в 7 т. — Т. 1 : Стихотворения / подгот. текста и коммент. А. А. Козловского. — М. : Наука : Голос, 1995. — 672 с.
12. Захаров В. Н. Проблемы исторической поэтики. Этнологические аспекты. — М. : Индрик, 2012. — 264 с.
13. Зырянов О. В. Проблемно-методологическое поле современной этнопоэтики // Филологический класс. — 2019. — № 1 (55). — С. 8–15.
14. Михаленко Н. В. Пространственная организация образа Небесного Града в ранней лирике С. А. Есенина // Сергей Есенин и литературный процесс: традиции, творческие связи : сб. науч. тр. / отв. ред. О. Е. Воронова, Н. И. Шубникова-Гусева. — Рязань : РИД, 2006. — С. 105–116.
15. Поэтика : слов. актуальных терминов и понятий / гл. науч. ред. Н. Д. Тмарченко. — М. : Изд-во Кулагиной Intrada, 2008. — 358 с.
16. Самоделова Е. А. Старообрядческие и сектантские ключи к «Ключам Марии» Есенина // Сергей Есенин и искусство. Сер.: Есенин в XXI веке. — М. : ИМЛИ РАН, 2014. — С. 97–113.

17. Серегина С. А. Орнамент как искусство в «Ключах Марии» Есенина и культуре модерна // Сергей Есенин и искусство. Сер.: Есенин в XXI веке. — М. : ИМЛИ РАН, 2014. — С. 114–125.
18. Скороходов М. В. «В лунном кружеве украдкой...»; «Певущий зов» : пробные статьи для Есенинской энциклопедии // Современное есениноведение. — 2020. — № 3 (54). — С. 16–22.
19. Соловьева М. А. Ветхозаветные пророчества и эсхатологические образы Нового Завета в лирике С. А. Есенина 1918–1919 гг. // Проблемы исторической поэтики. — Петрозаводск : Изд-во Петрозавод. гос. ун-та, 2014. — Вып. 12. — С. 432–455.
20. Толстой Н. И. Очерки славянского язычества / сост. и отв. ред. С. М. Толстая. — М. : Индрик, 2003. — 622 с.
21. Шишкин А. П. «Магический кристалл» Логоса: эссе «Ключи Марии» как квинтэссенция есенинской теории «органического образа» // Сергей Есенин. Личность. Творчество. Эпоха. Ч. 2 : сб. науч. тр. / ИМЛИ РАН ; Гос. музей-заповедник С. А. Есенина ; Ряз. гос. ун-т имени С. А. Есенина. — М. ; Константиново ; Рязань : ГМЗ С. А. Есенина, 2017. — С. 426–439. (Сер. : Есенин в XXI веке. Вып. 5).
22. Шубникова-Гусева Н. И. Есенин как теоретик национального искусства (к постановке проблемы) // Наследие Есенина и русская национальная идея: современный взгляд : материалы Междунар. науч. конф. / под ред. О. Е. Вороновой; А. Н. Захарова. — Рязань : Ряз. гос. пед. ун-т им. С. А. Есенина, 2005. — С. 42–62.
23. Юдушкина О. В. Евангельская символика в «маленькой поэме» С. А. Есенина «Товарищ» (1917) // Преподаватель XXI век. — 2011. — № 4, ч. 2. — С. 339–344.
24. Яковлев М. В. Художественное пространство «Железной мистерии» Д. Андреева // Вестник Новгородского государственного университета. Сер.: Гуманитарные науки. — 2015. — № 84. — С. 143–147.

References

1. Afanas'ev A. N. *Narodnye russkie legendy* [Russian Folk Legends]. Moscow, Modern Issues Publ., 1914, 316 p. (In Russian).
2. Bahtin M. M. *Jestetika slovesnogo tvorcestva* [The Aesthetics of Verbal Creativity]. Bocharov S. G. (comp.). Moscow, Art Publ., 1979, 423 p. (In Russian).
3. Voronova O. E. *Sergej Esenin i russkaja duhovnaja kul'tura* [Sergey Yesenin and Russian Spiritual Culture]. Ryazan, Uzoroch'e Publ., 2002, 520 p. (In Russian).
4. Voronova O. E. The Motifs of Sophism and Pantheism in S. A. Yesenin's Early Poetry. *Sovremennoe eseninovedenie* [Modern Yesenin Studies]. 2015, no. 4, pp. 53–57. (In Russian).
5. Oksenov A. V. (comp.). *The Blue Book. Narodnaja poezija : Byliny, pesni, duhovnye stichi* [Folk Poetry: Fables, Songs, Spiritual Poems]. St. Petersburg, Synod Publ., 1908, pp. 304–311. (In Russian).
6. Domanskij V. A. The Phenomenon of Yesenin's Sadness. *Problemy nauchnoj biografii S. A. Esenina* [The Issues of Investigating S. Yesenin's Biography]. (Eds.) O. E. Voronova, N. I. Shubnikova-Guseva. Ryazan, Press Publ., 2010, pp. 133–142. (In Russian).
7. Esaulov I. A. *Kategorija sobornosti v russkoj literature* [The Category of Collegiality in Russian Literature]. Petrozavodsk, Petrozavodsk State University Publ., 1995, 287 p. (In Russian).
8. Esaulov I. A. *Pashal'nost' russkoj slovesnosti* [Easter in Russian Literature]. Moscow, Circle Publ., 2004, 560 p. (In Russian).
9. Esenin S. A. *Kljuchi Marii* [Maria's Keys]. Moscow, Moscow Word Painters' Crew Publ., 1920, 42 p. (In Russian).
10. Esenin S. A. *Polnoe sobranie sochinenij: v 7 tomah. Tom 4: Stihotvorenija, ne voshedshie v "Sobranie stihotvorenij"* [A Complete Collection of Works: in 7 vols. Vol. 4: Poems not Included into the Collected Poems]. (Comps.) S. P. Koshechkin, N. G. Jusov. Moscow, Institute of World Literature of the Russian Academy of Science Publ., 2004, 544 p. (In Russian).
11. Esenin S. A. *Polnoe sobranie sochinenij: v 7 tomah. Tom 1: Stihotvorenija* [A Complete Collection of Works: in 7 vols. Vol. 1: Poems]. Kozlovsky A. A. (comp.). Moscow, Science Publ., Voice Publ., 1995, 672 p. (In Russian).
12. Zaharov V. N. *Problemy istoricheskoi poetiki. Jetnologicheskie aspekty* [Problems of Historical Poetics. Ethnological Aspects]. Moscow, Indrik Publ., 2012, 264 p. (In Russian).
13. Zyrjanov O. V. Problems and Methods of Modern Ethnopoetics. *Filologicheskij klass* [Philological Class]. 2019, no. 1 (55), pp. 8–15. (In Russian).
14. Mihalenko N. V. Spatial Development of the Image of the Heavenly City in S. A. Yesenin's Early Lyrics. *Sergej Esenin i literaturnyj process: tradicii, tvorcheskie svjazi* [Sergey Yesenin and the Literary Process: Traditions and Literary Contacts]. (Eds.) O. E. Voronova, N. I. Shubnikova-Guseva. Ryazan, RID Publ., 2006, pp. 105–116. (In Russian).
15. Tamarchenko N. D. (ed.). *Pojetika: slovar aktual'nyh terminov i ponjatij* [Poetics: Dictionary of Terms and Concepts]. Moscow, Kulagina Publ., Intrada Publ., 2008, 358 p. (In Russian).
16. Samodelova E. A. Old-Believers and Sects as Keys to Yesenin's "Maria's Keys". *Sergej Esenin i iskusstvo. Serija: Esenin v XXI veke* [Sergey Yesenin and Art. Yesenin in the 21st Century series]. Moscow, Institute of World Literature of the Russian Academy of Science Publ., 2014, pp. 97–113. (In Russian).

17. Seregina S. A. Patterns as Art in Yesenin's "Maria's Keys" and Modern Culture. *Sergej Esenin i iskusstvo. Serija: Esenin v XXI veke* [Sergey Yesenin and Art. Yesenin in the 21st Century series]. Moscow, Institute of World Literature of the Russian Academy of Science Publ., 2014, pp. 114–125. (In Russian).
18. Skorohodov M. V. "Hidden in the moonlight ..."; "The song": Trial Articles for the Encyclopedia of Yesenin. *Sovremennoe eseninovedenie* [Modern Yesenin Studies]. 2020, no. 3 (54), pp. 16–22. (In Russian).
19. Solov'eva M. A. Old Testament Prophecies and Eschatological Images of the New Testament in S. A. Yesenin's Poetry. *Problemy istoricheskoy pojetiki* [Problems of Historical Poetics]. Petrazovodsk, Petrazovodsk State University Publ., 2014, iss. 12, pp. 432–455. (In Russian).
20. Tolstoj N. I. *Ocherki slavjanskogo jazychestva* [Essays on Slavic Paganism]. (Ed.) S. M. Tolstaja. Moscow, Indrik Publ., 2003, 622 p. (In Russian).
21. Shishkin A. P. The Magic Crystal of the Logos: the Maria's Keys Essay as a Reflection of Yesenin's Theory of the Organic Imagery. *Sergej Esenin. Lichnost'. Tvorchestvo. Jepocha* [Sergey Yesenin. Personality. Work. Epoch]. Moscow, Institute of World Literature of the Russian Academy of Science Publ., State Museum of S. Yesenin Publ.; Ryazan State University named for Yesenin Publ.; Konstantinovo Publ., 2017, pp. 426–439. (In Russian).
22. Shubnikova-Guseva N. I. Yesenin as a Theoretician of National Art. (Eds.) O. E. Voronova, A. N. Zaharov. *Nasledie Esenina i russkaja nacional'naja ideja: sovremennyy vzgljad : materialy Mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii* [Yesenin's Legacy and Russian National Idea. Proceedings of an International Research Conference]. Ryazan, Ryazan State University named for S. Yesenin, 2005, pp. 42–62. (In Russian).
23. Judushkina O. V. Gospel Symbolism in S. A. Yesenin's "Little Poem" "Comrade" (1917). *Prepodavatel' XXI vek* [Teacher of the 21st Century]. 2011, no. 4, ch. 2, pp. 339–344. (In Russian).
24. Jakovlev M. V. The Artistic Space of D. Andreev's Iron Mystery. *Vestnik Novgorodskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Gumanitarnye nauki* [Bulletin of Novgorod State University. Humanities series]. 2015, no. 84, pp. 143–147. (In Russian).

Информация об авторе

Федосеева Татьяна Васильевна — доктор филологических наук, профессор кафедры литературы Рязанского государственного университета имени С. А. Есенина.

Сфера научных интересов: история и теория русской литературы, литературоведческая методология, история филологии, русская литература XIX века, предромантизм, неоромантизм, творчество Державина, Тютчева, Полонского, Есенина.

Information about the author

Fedoseyeva Tatiana Vasilyevna — Doctor of Philology, Professor in the Department of Literature At Ryazan State University named for S. Yesenin,

Research interests: history and theory of Russian literature; literary methodology; history of philology; Russian literature of the 19th century; pre-romanticism; neo-romanticism; Derzhavin's, Tyutchev's, Polonsky's Yesenin's works.

Статья поступила в редакцию 04.11.2020; одобрена после рецензирования 01.12.2020; принята к публикации 11.12.2020.

The article was submitted 04.11.2020; approved after reviewing 01.12.2020; accepted for publication 11.12.2020.